

Моя голова дико качалась, зрение плыло. И всё же какая-то часть меня поражалась тому, как даже к этому можно привыкнуть при частом повторении. А может, всё казалось знакомым лишь потому, что жар от наркотика начал просачиваться сквозь ме

Или, возможно, дело было в наличных, набитых в карман: они тянули вниз, придавая сил вынести что угодно. Деньги всегда обладали такой властью. Властью заставить тебя пойти на всё.

— М-м...

Может, виной тому был препарат, но мысли вспыхивали и тут же гасли. По телу разлилось тепло, а внизу живота зашевелилась тупая ноющая боль. Я был рад, что выбрал стимулятор. Навязанное возбуждение позволяло легче переносить происходящее.

Стоило мне об этом подумать, как Дэниел резко дернул меня на себя. В следующее мгновение я был грубо швырнут на диван и прижат его телом. Из-за головокружения я не успел сообразить, что происходит.

— Джимми, прелесть моя, я больше не могу ждать. Давай сделаем это прямо сейчас. Десять штук, как тебе?

Жар распространился по шее там, где его губы жадно впились в кожу. Его член, готовый вот-вот взорваться, вжимался в мою внутреннюю сторону бедра.

— Я много чего пробовал, но у меня никогда не было тяги трахать другого мужика в задницу.

— Подожди... Дэ... Дэниел...

— Но сейчас? Я умираю как хочу. Хочу трахнуть тебя так сильно, что схожу с ума. Эти твои грязные рожицы, которые ты иногда строишь... Я взорвусь, если не получу тебя. Ты же понимаешь?

Он терся об меня так яростно, что даже через одежду это чувствовалось как проникновение. Мое дыхание стало рваным, руки вцепились в его плечи. Я хотел сказать «нет» — но слова не шли. Прижатый его огромной тушей, я едва мог дышать.

Но должен ли я на самом деле отказываться? Почему?

Как ни нелепо, меня пронзила мысль: даже если я уступлю здесь, какая разница? Десять тысяч — сумма немаленькая. Зачем отказываться? Что такого ценного в теле, которое уже столько раз использовали и выбрасывали? Мысли накрывали меня одна за другой.

Я всегда избегал прямой продажи тела, хотя и не отказывал в мелких вольностях. Но нельзя сказать, что у меня совсем не было опыта. В этой сфере «чистота» была шуткой. Так или иначе, рано или поздно ты всё равно сдаешься.

Иногда, как в случае с Дэниелом, я делал минет. Редко соглашался на большее. Я всегда отчаянно нуждался в деньгах. Какое значение имеет продажа тела?

Но когда это началось — этот грызущий стыд? Продавая себя и одновременно пичкая клиентов дурью, я скатился в пучину самоотвращения. Чувствовал себя мусором, не подлежащим ремонту. Казалось, я полностью потерял себя и не способен вернуться к тому, кем был прежде. Это отчаяние было невыносимым.

С тех пор я отказывался торговать собой. К тому же, чем старше я становился, тем меньше клиентов этого требовали. Прошло много времени с тех пор, как возникала подобная ситуация. Может, поэтому я сейчас колебался.

А может, потому что деньги, предложенные Дэниелом, были слишком велики, чтобы от них отказаться. Или наркотик затуманил мой разум.

Какова бы ни была причина, мысли хаотично сталкивались в моей голове. Их было так много, что я не мог облечь их в слова. Губы лишь беспомощно открывались и закрывались. И тут...

— А-а...?

На меня упала тень. Свет над головой померк. В замешательстве я поднял затуманенные глаза.

— Десять штук за трах.

Низкий голос пророкотал в полумраке. Настолько глубокий, что кончики пальцев закололо.

— Для наркомана ты стоишь дороже большинства элитных шлюх.

— ...

— Тогда, пожалуй, я предложу двадцать. Как тебе?

Мои затуманенные веки дрогнули. Над плечом Дэниела высокий мужчина смотрел на меня сверху вниз, едва заметно улыбаясь. Поразительно красив.

Где я видел его раньше...

Круговорот мыслей замер. Из-за света, бившего ему в спину, черты лица оставались в тени, и узнавание никак не приходило.

Я смотрел на него снизу вверх, язык прирос к гортани, я не мог вымолвить ни слова. Дэниел, продолжавший лихорадочно лапать меня, ничего не замечал.

— Тц. Никакого внятного ответа. Оба торчки гребаные.

Он пренебрежительно цыкнул. А затем — грохот. Тело Дэниела рухнуло на пол. Лишь мгновение спустя я понял, что этот человек отшвырнул его в сторону как мусор.

Свернувшись на полу, Дэниел слабо стонал, время от времени содрогаясь и бормоча какой-то бред. Слишком одурманенный наркотиком, чтобы осознать происходящее.

Я пошатываясь сел, беспомощно глядя на него. Но это длилось недолго. Высокий мужчина в свободном черном халате, излучающий больше угрозы, чем сама смерть, шагнул ближе.

Давление, исходившее от него, заставило меня инстинктивно сжаться. Я хотел бежать. Он, должно быть, почувствовал это — его рука выстрелила вперед, вцепилась в мои волосы и сильно дернула.

— Трудно вытянуть из тебя хоть какой-то ответ.

— Угх...!

Вскрик вырвался из моей груди, когда его жестокая хватка потащила меня вперед. Мои ноги заплетались, я беспомощно следовал за ним, когда он стаскивал меня с дивана.

Всё еще крепко сжимая мои волосы, он не замедлялся, просто продолжал идти. Мое тело было слабым, я дергался в его руках как марионетка. В отчаянии я вцепился в его черный халат, отказываясь быть ведомым на привязи, как собака.

— О... Отпусти!

Мои пальцы сжали скользкую ткань, я сопротивлялся. Он резко остановился и повернулся ко мне. Затем рванул мою голову назад.

Мой подбородок взлетел вверх, шея была выгнута. Волосы откинулись, обнажая лицо. Бледный и измученный, я смотрел на него снизу вверх. Его губы изогнулись в улыбке. И наконец, его имя всплыло в памяти.

Константин.

— Как странно. Твое скучное, безжизненное лицо становится донельзя похотливым, стоит тебя раззадорить. Так изменился, что я едва узнаю тебя.

Его низкий голос мягко скользнул мне в ухо. Сладкий, как мед. Жестокий контраст с грубостью его руки.

— Ха... Ха-а... Отпус... Ти...

Я стиснул зубы и свирепо посмотрел на него. Константин лишь глядел на меня сверху вниз и, прикрыв глаза, широко улыбался.

— Давно не виделись, Санни.

— Ха...

— Как поживаешь?

Этот мягкий низкий голос снова донесся до меня. Мой яростный взгляд застыл, дыхание перехватило. Глаза расширились, когда Константин склонился к самому моему лицу, а уголки его рта поползли вверх. Сердце с тяжелым стуком рухнуло вниз.

Ах, значит, он всё-таки вспомнил.

Горькая мысль всплыла на поверхность. В то же время мимо пронеслось иное чувство.

Я снова попал в ад.

Прошло ровно десять лет с тех пор, как я видел этого человека в последний раз.

Нет, «расстались» — неподходящее слово. Это было не что иное, как одностороннее уведомление. Мы не встречались, даже близко не были любовниками.

Он просто таскал меня за собой. Я даже не мог сказать, нравилось мне это или нет. Это было больше похоже на отношения господина и слуги. Слепой и глупый, я сам сковал себе ноги.

С самого начала всё было односторонним, и конец оказался таким же. Всего лишь брошенное вскользь, пренебрежительное слово — и на этом всё. После того дня я больше его не видел. И даже не надеялся на встречу.

Тогда я иногда задавался вопросом: а что, если мы встретимся снова? Как он будет выглядеть, каким буду я? Но в тех фантазиях я никогда не был таким, как сейчас. Я представлял себя состоявшимся, живущим как достойный человек, встречающим его спокойно — как тот, кто прекрасно прожил без него.

Но реальность оказалась вот этим месивом. Полная противоположность моим мечтам. Худший из возможных вариантов встречи, под маской жестокого совпадения.

Мои плечи задрожали, а затем поникли от чувства пустоты. Я хотел, чтобы он не узнал меня... Я думал, он не узнает.

Из всех бесчисленных кузенов Дэниела, почему здесь оказался именно Константин? Почему Джефф сухо не отказал гостю Дэниела? Почему я должен был прийти именно сейчас? Я проклинал всё, что привело к этому моменту.

— Ты сильно изменился. Неудивительно, что я не сразу тебя узнал.

Этот глубокий голос вытаскивал воспоминания из моей головы, словно цепи. Я поднял на него затуманенный взгляд.

Просто находясь так близко к Константину, я задышался, но глаз не отводил. Не хотел. Может, это было не что иное, как гордость, гноющаяся на самом моем дне.

О чем бы он ни думал, Константин улыбнулся еще шире. На его щеках показались ямочки, точь-в-точь как раньше. Его лицо выражало забаву. Полная противоположность мне, которому было совсем не до смеха.

— Прошло десять лет? Сколько бы ни утекло времени, я никак не ожидал, что отличник Санни превратится в подстилку для торчков. Какой талант ты в себе открыл.

Его изумрудные глаза изучали мое лицо, каждый его дюйм. Этот осмотр колот кожу. Под его взглядом по мне пробежала дрожь. Было ли это действие наркотика или просто результат встречи, мое дыхание стало тяжелым и хриплым. Я впился в него глазами.

— Блять... Отпусти меня.

— Твои слова тоже изменились. Но как блестящий ученик из престижной школы закончил вот так? Разочаровывающе.

В его улыбающемся голосе прозвучало «разочаровывающе», и жар ударил мне в уши. С запозданием вспыхнули смущение и стыд.

Он, должно быть, почувствовал это — его безмолвная улыбка стала шире, ямочки обозначились еще четче. Изумрудные глаза сверкнули, как у озорного мальчишки, нашедшего новую игрушку. Это выражение лица, этот взгляд заставили меня нахмуриться.

— Отпусти меня!

Наконец я не выдержал потока эмоций и закричал. Он слегка наклонил голову, а затем послушно разжал руку, сжимавшую мои волосы.

Мои усилия вырваться из его хватки пропали даром — я тут же отлетел назад. Без всякого предупреждения я споткнулся и позорно рухнул на пол. Грохот от удара моего тела гулко разнесся по комнате.

— Мы учились в одной школе, но ты слишком жалок, чтобы называть тебя даже выпускником.

Его голос тепло падал сверху. Тепло, но достаточно холодно, чтобы причинить боль. Я помнил, как много людей попадалось на эту фальшивую доброту. Я был одним из них.

Самоуничижительный смешок вырвался из моей груди. Десять лет, а Константин ничуть не изменился. А я — я не был даже тенью того, кем был раньше. Жалкое зрелище. Скомканный и выброшенный кусок мусора.

— ... Мы не выпускники, так что тебе не за что стыдиться.

И всё же я не мог вечно упиваться жалостью к себе. Хрипло пробормотав это, я пошатываясь отступил.

Из-за наркотика было трудно стоять на ногах, но я должен был убраться от него подальше. Это была единственная мысль. Я не мог снова упасть. Не мог снова утонуть в отчаянии.

Но я не сбежал. Что-то коснулось моей спины, преграждая путь. Диван. Безвкусный красный диван, воплощение вкуса Дэниела.

Мои плечи напряглись. Константин, наблюдавший за тем, как я копошусь словно насекомое, шагнул ближе.

— Не выпускники... Странные слова.

— ...

— Ты ведь не мог провалить выпускные, верно?

Его любопытствующий голос зазвучал снова. Я пожалел, что сболтнул лишнего. Я прикусил губу. Я молчал, поэтому он наклонил голову.

— Правда? Ты не выпустился? У тебя ведь была полная стипендия, не так ли?

Спросил он в недоумении. Я ненавидел это бесполезное любопытство в его глазах и отвернулся. Я не хотел отвечать.

Тогда я был первокурсником, наивным. Он был старшекурсником, выпускался. Мы пересеклись всего на год. Когда он ушел, наша связь оборвалась.

Вскоре после этого я тоже бросил учебу. Я хорошо учился, как он и сказал. У меня даже была полная стипендия от его фонда. Но я не мог остаться. Это было невозможно. И у меня не было ни малейшего намерения излагать эту историю здесь.

Я держал рот на замке, избегая его взгляда. Константин пожал плечами, будто это не имело значения. И, наверное, не имело. Какое ему дело?

— Ну, в любом случае.

Его зеленые глаза скользнули по мне, полулежащему на полу у дивана. Его взгляд обжигал. В горле пересохло, как в пустыне.

Возможно, это наркотик бурлил во мне. Страх резко подскочил. Мои инстинкты кричали: беги. Убирайся отсюда.

— Хочешь сделать это здесь?

Внезапный вопрос заставил меня замереть. Я посмотрел на него снизу вверх, зрение плыло, я не мог сфокусироваться.

— Что... Что ты несешь?

Даже сквозь туман я помнил: Константин — гость Дэниела. Что бы ни полыхало внутри меня, я должен относиться к нему как к VVIP. Как бы это ни было проклято, я не мог об этом забыть.

— Я сказал, что заплачу двадцать штук. Ты не слышал?

— Двадцать... Штук?

— Я сказал, что покупаю тебя.

— О чем ты?

— Если ты думаешь отказаться из-за Дэниела — не стоит. Этот ублюдок уже в отключке, у него даже не встанет.

Он улыбнулся, приближаясь медленно, словно сама смерть сжимала мое горло. Шок лишил меня дара речи. Его бред перегрузил мою голову.

<http://bllate.org/book/16515/1503292>